

Шаги к Великой Победе

Анатолий Кошкин

**Капитуляция Японии: атомная
бомба или советский блицкриг?**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94
ББК 63.3(6)6

Кошкин А. А.

Капитуляция Японии: атомная бомба или советский блицкриг? /
А. А. Кошкин — «ВЕЧЕ», 2025 — (Шаги к Великой Победе)

ISBN 978-5-4484-5653-4

Книга состоит из 12 очерков, посвященных истории советско- и российско-японских отношений с начала XX века и до наших дней. Особое внимание уделено в ней периоду Второй мировой войны и последующим попыткам японских правящих кругов пересмотреть ее итоги. Многие из поднимаемых в книге вопросов по-прежнему носят дискуссионный характер как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

УДК 94
ББК 63.3(6)6

ISBN 978-5-4484-5653-4

© Кошкин А. А., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

От автора	6
Очерк первый	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Аркадьевич Кошкин

Капитуляция Японии

Атомная бомба или советский блицкриг?

* * *

© Кошкин А.А., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

К 80-летию разгрома милитаристской Японии

С благодарностью моей дорогой жене Татьяне за многолетнюю заботу и создание условий для творчества

От автора

Накануне празднования в нашей стране 80-летия Победы советского народа в войне с нацистской Германией и победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне американский президент Дональд Трамп сначала заявил, что Россия лишь «помогла» США победить. А затем стал утверждать, что именно США внесли самый значительный вклад в победу во Второй мировой войне: «Мы выиграли две мировые войны, но никогда не ставили это себе в заслугу, как это делают все остальные. Во всем мире союзники празднуют нашу победу во Второй мировой войне. Единственная страна, которая не празднует, – это США. Победа была одержана только благодаря нам». При этом он говорит о «несравнимо большом вкладе Соединенных Штатов в победу во Второй мировой войне» и призывает американцев начать «праздновать наши победы», ибо-де «никто даже не приблизился к нам (США) по силе, храбрости и военному мастерству».

И это притом, что США потеряли в сражениях с германскими и японскими врагами, включая как боевые, так и небоевые потери, 418 000 солдат и офицеров, что не идет ни в какое сравнение с 27,5 миллиона жертв советского народа и 30–35 миллионами китайцев.

Не менее кощунственно в отношении подвигов и жертв советского народа и его армии в США оценивают роль и значение участия Советского Союза в разгроме упорно не желавшей капитулировать милитаристской и не менее чем Германия, нацистской Японии. Обработанные пропагандой американцы и японцы, да и многие люди в других странах мира, убеждены, что победу над Японией одержали только США, и что японское правительство сразу капитулировало в результате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

При этом в США и на Западе в целом сознательно замалчивают участие Советского Союза и его Красной Армии в разгроме Японии, а если и упоминают, то представляют его как «ненужную и даже вредную акцию». В Японии же и вовсе называют вступление СССР в войну на Дальнем Востоке «агрессией с целью захвата японских исконных территорий». Оскорбляя честь и достоинство советских солдат и офицеров, токийские политики и пропагандисты убеждают свой народ в том, что в августе 1945 года якобы «русские вели себя как вор на пожаре».

Автору этих строк неоднократно доводилось разоблачать миф о капитуляции Японии в результате американских атомных бомбардировок. Однако чувствую необходимость в юбилейный год вернуться к ранее исследованным сюжетам, вновь разъяснить нашим людям, что после испепеления в атомном огне жителей Хиросимы японское правительство и Верховное командование вовсе не намеревались капитулировать и готовили народ к решающему сражению в метрополии в прямом смысле слова «до последнего японца». Такую необходимость почувствовал во время лекций и выступлений, когда многие слушатели, особенно молодежь, продолжают задавать вопросы по проблемам, которые исследую уже более полувека, и ответы на которые содержатся в моих прежних трудах.

Отобранные темы очерков можно назвать дискуссионными и по сей день, ибо их трактовка в Японии кардинально отличается от предлагаемых мною концепций и подходов. Хотя спорить моим оппонентам из Страны восходящего солнца с выдвигаемыми концепциями весьма непросто, ибо в своих научных работах опираюсь в первую очередь на японские оригинальные документы и источники.

Для облегчения знакомства с предлагаемыми широкому читателю очерками автор стремился подать их в публицистическом жанре без научного аппарата. При этом пытливый читатель может при желании найти необходимые ссылки на источники при цитировании документов и приведении фактов, обратившись к моим научным монографиям.

В качестве заголовка книги избрано название одного из очерков, посвященного, на мой взгляд, принципиально важному вопросу истории о том, что заставило японское военно-поли-

тическое руководство, а в конечном счете, императора Хирохито принять окончательное решение о капитуляции во Второй мировой войне.

Считаю, выход этого сборника очерков отвечает призыву руководства страны защитить историческую правду о великой Победе нашего народа, наших отцов, дедов и прадедов. Об этом говорил Президент Российской Федерации Владимир Путин в послании Федеральному Собранию в 2020 году: «Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе, что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расплзаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты».

Выражаю искреннюю благодарность издательству «Вече» и лично его главному редактору Сергею Николаевичу Дмитриеву за инициативу и реализацию издания этой книги.

Автор выражает также благодарность руководителям Автономной некоммерческой организации «Историко-краеведческое общество «Шелехов» за помощь в создании этой книги.

Очерк первый

Почему СССР заключил с Германией пакт о ненападении, а с Японией – о нейтралитете

Одним из «аргументов» японских проправительственных историков и пропагандистов являются утверждения о том, что советское правительство до 1945 года якобы не предъявляло претензий на Курильские острова и захватило их, воспользовавшись поражением Японии.

Во время выступлений перед японской аудиторией не раз убеждался, что пропагандистскими усилиями властей жители этой страны, включая подчас профессиональных историков, не знают многие важные документы и факты, затрагивающие отношения двух стран в предвоенные и военные годы. В первую очередь те факты, которые невыгодны для Токио и подрывают «концепцию» о том, что «СССР нарушил Советско-японский пакт о нейтралитете, вероломно напал на Японию и силой отторг ее исконные территории». К сожалению, приходится признать, что эту навязанную властями «версию» принимает подавляющее большинство населения Страны восходящего солнца.

Завершение японской интервенции в 1922 году не привело к окончательному урегулированию между РСФСР и Японией. Под японским контролем оставался оккупированный Северный Сахалин, страны не имели дипломатических отношений друг с другом, отсутствовали торгово-экономическое, рыболовное и другие соглашения. Поняв, что одержать верх над Советской Россией в обозримом будущем вооруженным путем не удастся, деловые круги Японии выступили за развитие с ней экономических отношений.

В мае 1924 года в Пекине начались официальные советско-японские переговоры, которые завершились подписанием 20 января 1925 года Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией.

Согласно статье 1-й конвенции, стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения. По настоянию японской стороны правительство СССР было вынуждено согласиться с положением конвенции о сохранении в силе Портсмутского договора. Однако при подписании конвенции уполномоченный СССР по указанию Москвы сделал специальное заявление о том, что «признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора». Тем самым советское правительство заявляло, что не считает себя политически связанным с положениями Портсмутского договора в той его части, где говорилось об уступке Японии Южного Сахалина и принадлежности других, ранее входивших в состав Российской империи территорий.

Уже в 1923 году в японском Генеральном штабе был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский».

Стремясь не допустить возобновления конфронтации с Японией, советское правительство в мае 1927 года обратилось к Токио с предложением о подписании между двумя государствами договора о ненападении. Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, японское правительство не желало связывать себя подобным соглашением. Его позиция сводилась к тому, чтобы «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий».

Оккупация в 1931 году японскими войсками трех северо-восточных провинций Китая, именованных Маньчжурией, означала выход японских вооруженных сил на советскую границу, что увеличивало опасность военного столкновения с Японией. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие такого пакта не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР Максим Литвинов в ходе состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 года беседы с министром иностранных дел Японии Кэнкити Ёсидзавой отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. Было подчеркнуто, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики».

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии Сигэнори Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от всевозрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии». И это было действительно так. В начале 30-х годов реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы – Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, скорая большая война с СССР едва ли была возможна. Тем не менее, не желая сеять подозрения у западных держав по поводу отказа Японии от конфронтации с СССР, 13 декабря 1932 года японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем».

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Международная ситуация складывалась не в пользу Японии. Китай продолжал упорное сопротивление, японские войска потерпели сокрушительное поражение на Халхин-Голе, Германия, как тогда считалось, «изменила» Японии, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении, напряженными оставались японо-американские отношения. После формирования 4 сентября 1939 года нового кабинета министров во главе с генералом в отставке Нобуюки Абэ 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства».

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместной с Германией борьбы с «большевистской Россией», японское военно-политическое руководство не стало обострять отношения с Берлином, ограничившись направлением формальной ноты протеста.

Среди японских историков распространены утверждения о том, что после номонханского (халхингольского) фиаско в Японии якобы отказались от конфронтации с СССР, а Москва, одержав победу, обеспечила безопасность своих дальневосточных границ. Японские авторы пишут: «Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 году между Японией и Германией, посеял семена беспокойства у Советского Союза, который шел по пути строительства комму-

низма. В 1938 году произошло локальное столкновение японских и советских войск у небольшой сопки Чжанкуфэн (Заозерная) в зоне государственной границы между Восточной Маньчжурией и Советским Союзом. А летом следующего года произошло также столкновение в зоне государственной границы между Западной Маньчжурией и Монголией в районе Номонхан (у реки Халхин-Гол) между японскими и советскими войсками. Монголия тогда была государством-сателлитом СССР, и на ее территории дислоцировались советские войска. Само столкновение произошло в районе, в котором отсутствовала четкая демаркация государственной границы. В результате Квантунская армия потерпела поражение, а СССР выполнил трудную задачу по обороне Сибири и Дальнего Востока».

Однако в действительности японские стратеги из числа как военных, так и политиков продолжали рассматривать Советский Союз в качестве одного из основных потенциальных противников. После халхингольских событий было решено «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР». В декабре 1939 года был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны сил планировалось при необходимости резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения подготовки – середина 1941 года.

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было признано целесообразным предпринять дипломатические шаги, призванные нормализовать на определенный период японо-советские отношения. Сторонники такой нормализации предлагали заключить с СССР соглашение о ненападении, по содержанию аналогичное советско-германскому пакту. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхингольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Как и прежде, ставилась цель попытаться в обмен на пакт о ненападении добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 года документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю».

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении Вячеслав Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с Иосифом Сталиным министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны».

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 года. Из германской записи беседы:

«...Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой...».

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорысна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было подтолкнуть к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Великобритании могло бы нейтрализовать Лондон. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать», – заявлял он. На встречах с японским послом в Берлине генералом Хироси Осимой Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику.

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с Советским Союзом договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств». При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 года занимавший ранее пост премьер-министра князь Фумимаро Коноэ сообщил германскому послу в Токио Ойгену Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, продемонстрированного Красной Армией в боях в районе Номонхана».

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 года попыталось получить официальное подтверждение японского МИД о том, что пакт о ненападении не входит в программу переговоров Токио с Москвой. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское правительство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-го военного района Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае Александром Панюшкиным. 12 октября 1939 года он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность вернуть потерянные территории. При условии войны на западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши».

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939 – начале 1940 года ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина. Его основной целью было избежать вовлечения в войну, будь то на западе или на востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период с тем, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле признавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Считалось, что будет нетрудно побудить переживающих «номонханский синдром» японцев хотя бы на время отказаться от враждебных выпадов в отношении Советского Союза. Однако в Японии сохраняли большое влияние сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии». 16 января 1940 года министр иностранных дел Японии Хатино Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта – дело отдаленного будущего и не очень полезное». Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март – апрель 1940 года) прозвучало предупреждение: «В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно».

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае – июне 1940 года и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР Сигэнори Того 1 июня 1940 года Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем».

Эту мысль Молотов в более развернутом виде развивал перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу Соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 года:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, – добавляет Того, – мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно, если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, – продолжает Того, – и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам».

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который знал, что в Токио существовали противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским (гоминьдановским) режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме Министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...»

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего Министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым».

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на то, чтобы параллельно рыболовным и торговым вопросам велись переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 года.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности – «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 года состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы:

«Того: ... За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, также как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако, если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ... Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее, тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать – правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того: излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 году между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился

бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь, и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белорусами. – А.К.), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключении Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете».

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на «не предоставление помощи чунцинскому режиму», он сообщает, что со своей стороны Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того писал:

«В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировки со странами, враждебными стороне – участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о не предоставлении помощи чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на добычу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а Советы – прекратить помощь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом».

Согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический разворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с запада, так и с востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В

Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрастала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере – против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 года, пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, глава гоминьдановского правительства Чан Кайши заявил: «Некоторая часть американцев опасаются, что СССР может пойти на соглашения с Японией». Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как «слухи». Он отвечал Чан Кайши: «Подобное мнение, конечно, ни на чем не основано. Оно просто смехотворно. По крайней мере, известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения». Далее он заверил своего собеседника в дружбе и верности Советского Союза: «Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помощь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу».

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в состоявшейся 22 июля того же года беседе с заместителем начальника Генерального штаба китайской армии Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: «Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помощи и т. д.». И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: «Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей – Ленина и Сун Ятсена, Сталина и Сун Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу». Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской позиции в отношении военной помощи Китаю.

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 году к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля 1940 года новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Ёсукэ Мацуока, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Великобритании, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии.

В соответствии с политическими установками командование вооруженных сил стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» – против США и западноевропейских государств и «северный» – против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до вовлечения Советского Союза в войну в Европе. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избе-

жать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о ненападении или нейтралитете становилось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, – писала японская газета «Токио нити-нити». – Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США». При этом японские лидеры сочли выгодным приступить к конкретным переговорам с Москвой после заключения военно-политического союза с Германией, что должно было усилить позиции Токио.

Хотя с приходом к власти второго кабинета Коноэ японцы активно готовились к заключению союза с Германией и Италией, в Токио было признано целесообразным продолжить дипломатические контакты с Москвой по поводу выработки политического соглашения. При этом учитывалось, что СССР стремится улучшить отношения с Японией в условиях ее тесного сближения с Германией.

Убедившись в том, что новое правительство Японии готово продолжать переговоры о заключении пакта о ненападении или нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 года дало ответ на предложенный Того вариант договора. В нем говорилось: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами».

Принимая 2-ю и 3-ю статьи японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 года, оставившей в силе Портсмутский договор 1905 года, по которому Россия вследствие военных неудач в Японо-русской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуоки» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того. Тем не менее, он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о нейтралитете. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа 1940 года.

Из записи беседы:

«Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: «Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше».

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: «Правильно. Совершенно правильно».

Молотов: «Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью».

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. 5 сентября Молотов говорил Того: «Портсмутский договор по очень существенным пунктам нарушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 года также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным».

Того возражает против такого подхода.

Молотов: «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией».

Главная причина нежелания советского правительства признавать действенным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Сталин контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа, а также заявление нового посла Ёсицугу Татэкавы о том, что он «не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова». После заключения Пакта трех держав это беспокойство усилилось. Заверения Того в том, что «заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений», не могли развеять возникшую тревогу. Тем более что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года. Посол США в СССР Лоуренс Штейнгардт в телеграмме государственному секретарю США от 28 сентября 1940 года сообщал, что реакция советского правительства на Тройственный пакт была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен Тройственным пактом, они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится неоправданно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 году не будет.

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина проявлять заботу о том, как не допустить участия Японии в надвигавшейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии в Китае. Хотя, как отмечалось выше, летом 1940 года Сталин был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 года. В послании говорилось:

«...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношении с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать

некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие Бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мире с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, одно для меня ясно, что китайская национальная армия крепка и могуча, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

И. Сталин».

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта Министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось заключить соглашение, аналогичное советско-германскому пакту, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях договора о рыболовстве, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений МИД Японии гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В программе МИД было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)».

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер.

Посетивший 17 октября 1940 года Молотова с прощальным визитом Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он полагал, что пакт будет заключен в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил задержку сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением Тройственного пакта, сказал: «Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по тепе-

решним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт». Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский принимал посла Китайской республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что «заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая». Далее посол отметил, что «за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась».

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах: «...В ходе так называемой «чистки Мацуоки» меня отозвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией».

Новый посол Японии в СССР Ёсицугу Татэкава 30 октября 1940 года в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен.

Посол передал текст, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 года. Японский проект пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

- Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.
- Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений.

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии Константину Сметанину от 1 ноября 1940 года нарком писал:

«...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 года, я заявил, что, если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 года, то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкава вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 года, так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны – создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

На вопрос Татэкава, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши предложения от 14 августа я еще не имею ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я смог бы продолжать обсуждение этого вопроса».

18 ноября 1940 года во время очередной беседы с Татэкавой Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий – Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова Сметанину от 19 ноября 1940 года:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уже, во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет

говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.